

Горькая весть

Уход Антигоны

Моя первая встреча с Никишихиной была весьма драматичной.

Придя в Театр имени К.С.Станиславского в качестве главного режиссера, я пересмотрел весь репертуар. Елизавета Никишихина играла характерные эпизоды — грубый нажим, штампы, отсутствие настоящей школы, пронзительный голос. Я поделился с актрисой своими «впечатлениями» и высказал предположение, что, пожалуй, ей не следует заниматься актерской профессией. Она выслушала меня молча, не возражала, ни о чем не просила, не плакала, встала и так же молча пошла к двери. В ней было такое благородство безысходного отчаяния, такое скорбное достоинство, такая горечь разбитых надежд, она шла так, словно неслась, не расплескав, чашу непролитых слез. Меня пронзила мысль — как талантливо она идет, какая гордость раненой, униженной изгнанницы. Я окликнул ее, остановил, предложил попробовать поработать с ней в пьесе П.Когоута «Две-нацать», которую тогда репетировали в театре. И в работе я увидел ее творческий фанатизм, одержимость, истовость. Это была редкая индивидуальность, соединившая способность к самой острой, смелой характерности с глубочайшим, трепетным лиризмом.

В «Антигоне» Ануя она по-настоящему прославилась. Назначение ее на главную роль многим показалось невозможным, странным. Античная героиня — и угловатая, резкая актриса, до этого игравшая только небольшие характерные роли! А мне для роли Антигоны была нужна именно Никишихина и никто другой. Она работала самозабвенно. Репетиции были для нее не только постижением логики сложнейшей роли, но и познанием смысла и существа актерской профессии.

Казалось, роль была уже готова, все было сделано, но мы чувствовали, что нет в нашей Антигоне последнего штриха, нет блика какого-то едва уловимого света, который придал бы ей ощущение душевного величия и свободы.

И вот накануне, перед сдачей спектакля, в выходной день мы приходим с Никишихиной в пустой театр, работаем весь

день и переделываем почти все, ища особое чувство независимости, вдохновенной легкости, которые ощутила Антигона, переступив рубеж страха смерти. Именно в этот день мы поняли, что Антигона смеется в ответ на ярость Креона, смеется, когда ее уводят стражники.

Никишихина играла Антигону босой, она покоряла необычной пластикой танцовщицы-босоножки, в момент внутренних кульминаций естественно поднималась по полупальцы. Г.С.Уланова отметила тогда выразительность ее пластики. В роли Антигоны Никишихина соединила иступление и грацию, ярость и нежность, вдохновенную отрешенность и абсолютную узнаваемость обыкновенной, только неистово упрямой, девчонки.

В «Энциклопедистах» Л.Зорина в роли девушки-гида, сопровождавшей весьма игриво настроенного иностранца, она, захлебываясь слезами, сыграла трагикомедию возмущенной, оскорбленной невинности, гневного, потрясенного целомудрия.

А «Анне» М.Ганиной в роли нелепой, вульгарной, грубо раскрашенной Соньки раскрыла невероятную глубину самоотреченной любви, безоглядной преданности. Темная, малограмотная Джульетта с лесоповала была уморительно смешной и возвышенно прекрасной. Было ясно, что она жизнь отдаст за своего избранника. Грубая девка вдруг становилась олицетворением Невесты, от нее исходил свет тихой кротости, женственной чистоты и покорности.

Роль гениальной американской поэтессы Эмили Дикинсон я репетировал с Никишихиной уже не будучи в Театре имени К.С.Станиславского. Она опять-таки сыграла характерность Чудачки, целое сплетение самых неожиданных странностей, стародавних причуд и полет вдохновенной души, мудрость поэта. Это был моноспектакль, она одна владела вниманием зала в течение полутора часов. Никишихина раскрывала, как страстность, гордыня гениальной поэтессы смирились христианским мироощущением, она играла этот спектакль с поистине религиозным ощущением, словно творила горячую, искреннюю молитву.

Потом у Никишихиной была встреча с А.Васильевым, она была в его спектакле Вассой Железновой, опять-таки соединив колоритную, колючую характерность с лирическим, даже трагическим началом.

Были у Никишихиной роли и яркие эпизоды в кино, но в последнее время она играла немного и, конечно, страдала от этого.

Боль от ее преждевременного ухода должна заставить еще и еще раз задуматься о судьбе индивидуальности, которая встречается в театре не так часто и уж совсем нечасто бывает до конца счастливой.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН